



You have downloaded a document from  
**RE-BUS**  
repository of the University of Silesia in Katowice

**Title:** Проявления карнавализации в Детях Луны Бориса Акунина и их польском переводе

**Author:** Łukasz Gęborek

**Citation style:** Gęborek Łukasz. (2020). Проявления карнавализации в Детях Луны Бориса Акунина и их польском переводе. W: J. Lubocha-Kruglik, O. Małysa, G. Wilk (red.), "Przestrzenie przekładu. T. 4" (S. 65-73). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego



Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

Лукаш Гемборек

Силезский университет в Катовице

## Проявления карнавализации в *Детях Луны* Бориса Акунина и их польском переводе

В двух книгах Михаила Бахтина – *Проблемы поэтики Достоевского*, а также *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса* – находим фундаменты теории карнавализации, которую сейчас исследователи определяют как ключ к интерпретации многих литературных текстов<sup>1</sup>. Обращается внимание то, что «двойственность мироощущения перекликается с основными чертами карнавального мира, выделенными М. Бахтиным»<sup>2</sup>. В настоящее время карнавальное начало в большой степени отражается в постмодернистских текстах, в которых происходит сочетание элитарного с массовым, высокого с низким, драматического со смешным. Кроме того, в них переплетаются религиозные и повседневные мотивы, а исторический план с современностью<sup>3</sup>.

Предметом нашего исследования в аспекте проявлений карнавализации стала книга Бориса Акунина *Дети Луны*. Она входит в один из детективных циклов, принадлежащих перу этого писателя, – *Смерть на брудершафт*. Это «название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре „роман-кино“, призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа»<sup>4</sup>. В связи с этим Акунин использует в романе разные

---

<sup>1</sup> M. RUMIŃSKA: *Michała Bachtina teoria karnawalizacji języka*. W: *Humor i karnawalizacja we współczesnej komunikacji językowej*. Red. J. MAZUR, M. RUMIŃSKA. Lublin 2007, s. 181.

<sup>2</sup> О. МАЛЫСА: *Карнавальный мир детективов Бориса Акунина в польских переводах*. W: *Przestrzenie przekładu*. Red. J. LUBOСНА-KRUGLIK, O. MAŁYSA. Katowice 2016, s. 61.

<sup>3</sup> Ibidem.

<sup>4</sup> Б. АКУНИН: *Летающий слон, Дети Луны*. Москва 2008.

приёмы. В частности, к ним относятся: указание фамилий аккомпаниатора и сценографа, выписанных в титульном листе романа; обширные ремарки; названия глав в фигурных рамках; большое число иллюстраций с цитатами из романсов и песен в рамочном оформлении, где приводятся также авторы музыки и слов; целый ряд фотографий, представленных в виде хроники. Благодаря всем этим приёмам в книге создаётся эффект кино, напоминая своей стилистикой кадры из немого фильма. Немаловажным здесь оказывается также тот факт, что само действие повести разыгрывается во время Первой мировой войны, т.е. в эпоху немого кинематографа<sup>5</sup>. Все перечисленные особенности сохраняются в издании книги на польском языке, перевод которой осуществил Пётр Фаст.

Обратим внимание на проблему перевода проявлений карнавализации, анализируя несколько примеров, наиболее ярких с нашей точки зрения. Итак, с карнавализацией непосредственно связан мотив снятия маски. Такой фрагмент находим в романе-кино *Дети Луны*, когда на сцене выступает Девочка Смерть:

*Из-за ширмы, подбоченясь, выплыла павушкой дева в русском сарафане. Лицо у нее было закрыто белой маской: скалящийся скелет. Девочка Смерть покружилась в танце, потянула себя за длинную-предлинную золотистую косу – и выдернула. Коса была прямая – очевидно, с металлическим стержнем. Танцовщица согнула ее на манер буквы Г и стала размашисто косить воображаемую траву (с. 244)*<sup>6</sup>.

*Zza parawanu wyłynęła niczym dumny paw dziewczoja z rękami na biodrach, w rosyjskim sarafanie. Twarz miała zakrytą białą maską przedstawiającą wyszczerzoną czaszkę. Panna-Śmierć krążyła w tańcu i nagle pociągnęła za długi, bardzo długi warkocz – wyszarpnęła go. Warkocz był prościutki – miał pewnie w środku metalowy pręt. Tancerka zgięła go na kształt litery „L” i zaczęła zamasyście kosić nieistniejącą trawę (с. 213)*<sup>7</sup>.

В данном фрагменте замечаем, что актриса, надевшая маску с изображением черепа, выступает в характерной для русской культуры одежде – сарафане. Уже тот факт, что сарафан в старые времена являлся женской крестьянской одеждой, в виде платья и без рукавов<sup>8</sup>, вписывается в карнавальный характер народной культуры, о которой говорит Михаил Бахтин.

<sup>5</sup> Л. ГЕМБОРЕК: *Игровые элементы в «Детях Луны» Бориса Акунина: переводческий аспект*. W: *Slavica iuvenum XIX. Mezinárodní setkání mladých slavistů*. Red. S. MÍZEROVÁ, L. PLESNÍK. Ostrava 2018, с. 385.

<sup>6</sup> Б. АКУНИН: *Летающий слон, Дети Луны*. Москва 2008.

<sup>7</sup> В. АКУНИН: *Цыкл „Bruderschaft ze śmiercią”*: *Latający słoń, Dzieci Księżycy*. Przeł. P. FAST. Zakrzewo 2007.

<sup>8</sup> *Толковый словарь Ожегова*. Ред. С.И. ОЖЕГОВ, Н.Ю. ШВЕДОВА. <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27866> [доступ: 10.10.2018].

Другие элементы, задействованные в указанной сцене, в свою очередь, подвергаются перевоплощениям. Это становится возможным благодаря использованию автором игры слов, основанной, в частности, на омонимии существительного *коса*. Так, Девочка Смерть снимает с головы косу, а сгибая её, получает косу как орудие труда, которое в мировой культуре является также одним из атрибутов смерти. В этом же отрывке прослеживается соотнесение косы как орудия с буквой *Г*, напоминающей её по своей форме. И если омонимия в силу естественных лексических различий рассматриваемых языков не была передана в переводе, то удачным переводческим решением можно считать применение функционального эквивалента для буквы русского алфавита латинского знака *L*, написание которого также напоминает косу.

Отметим, что на косу по форме похожа арабская цифра семь, которая в ментальности поляков тоже ассоциируется со смертью. К примеру, отмечается: «jest też jednak przesąd, że siódemka to kosa, czyli śmierć, więc lepiej jej unikać»<sup>9</sup> или: «ze względu na swój specyficzny wygląd 7-ka kojarzy się z kosą, co jednoznacznie przywołuje na myśl śmierć»<sup>10</sup>.

Возможно, это в какой-то степени компенсирует сложность передачи на польский язык омонимичности лексемы *коса*. Хотя в польском языке существует слово *kosa* в значении причёски, но оно стилистически маркировано и свойственно поэтической речи<sup>11</sup>.

В дальнейшей части романа описывается ситуация, в которой Девочка Смерть снимает маску:

*К столу или еще двое – те самые, что выступали с декламатором. [...] Танцовщица осталась в сарафане, но сняла маску. Лицо у Девочки Смерти оказалось славное – курносое, улыбочливое. [...] – Люба, – называлась милая девушка, первой протянув руку. Она смотрела в глаза, приветливо. Пальцы сжала крепко, не по-девичьи (с. 247–248).*

*Do stołu zbliżały się jeszcze dwie osoby – ci sami, którzy występowali razem z poetą. [...] Tancerka nadal była w saraфанie, ale zdjęła maskę. Twarz dziewczyny-Śmierci okazała się przyjemna – z zadartym noskiem, uśmiechnięta. [...] – Luba – przedstawiła się sympatyczna dziewczyna i pierwsza wyciągnęła do Romanowa rękę. Patrzyła mu życzliwie w oczy. Rękę uściśnięła mocno, nie po dziewczęcemu (с. 218).*

<sup>9</sup> *Gazeta Lubelska*. <https://gazetalubuska.pl/magia-siodemek/ar/7693207> [доступ: 10.10.2018].

<sup>10</sup> *Sennik.us: Numerologia 7 – jaka jest numerologiczna siódemka?*. <https://sennik.us/numerologiczna/7/> [доступ: 10.10.2018].

<sup>11</sup> *Słownik języka polskiego PWN*. <https://sjp.pwn.pl/sjp/kosa;2474268.html> [доступ: 10.10.2018].

Из данного фрагмента узнаём, что Смерть зовут *Люба*. Это краткая форма женского имени *Любовь*<sup>12</sup>. Сочетание двух крайне разных слов по отношению к одному лицу, т.е. *смерть* и *любовь*, довольно парадоксально: почему смерть – это любовь, или наоборот. Дополнительно, удивительным может показаться факт, что женщина, имя которой ассоциируется с нежностью, влечением, возвышенностью, обладает такой большой силой (ср. «пальцы сжала крепко, не по-девичьи»).

В переводе данного фрагмента замечаем, что для передачи имени героини используется транскрипционная форма *Luba*. У польского читателя такое выражение не всегда вызывает ассоциации с любовью (ср. *miłość*). Однако оно может быть связано по форме с выражениями *luba* или *moja luba*, обозначающими ‘устаревшее определение женщины, в которую влюбился мужчина’<sup>13</sup>. Это в какой-то степени компенсирует смысл парадокса из текста оригинала.

Анализируя русский фрагмент, нельзя не вспомнить о том, что мотив сочетания любви с элементами, связанными со смертью, не является чем-то новаторским. Можно здесь вспомнить о таких устойчивых словосочетаниях, характерных для русского языка, как: *любовь до гробовой доски*, *любовь до гроба* или же *любовь до смерти*. Польский язык тоже имеет свои варианты, к которым относятся: *miłość aż po grób*, *miłość do grobowej deski* или вариант, в котором смерть представлена в виде конца жизни: *miłość do końca życia*. Мотив продолжения любви как минимум до момента смерти одного из супругов появляется и в тексте их клятвы во время церемонии бракосочетания в костёле: *i że cię nie opuszczę aż do śmierci*.

Проявление карнавализации находим также в отрывках книги, которые связаны с мотивом еды или проецируют его. Так, в рассматриваемом ниже примере встречается интересное наименование ресторана:

*Там он обычно носит розовый смокинг с искрой и зовется «дон Хулио». А еще прохиндею принадлежит ресторан – то есть, pardon, трапезная «Русь святая» (с. 223).*

*Nosi zazwyczaj różowy smoking z brokatem i nazywa się Don Julio. I do tego szubrawca należy jeszcze restauracja – to znaczy, pardon!, refektarz „Święta Rus” (с. 197).*

*Трапезная* (в данной книге называемая также рестораном) является лексемой, название которой происходит от греческого слова *trapeza*, т.е. ‘стол, кушанье’<sup>14</sup>. В христианской (здесь – православной) действительнос-

<sup>12</sup> Н.А. Петровский: *Словарь русских личных имен*. Москва 1966, с. 145.

<sup>13</sup> *Słownik języka polskiego*. <https://sjp.pl/luba> [доступ: 11.10.2018].

<sup>14</sup> *Иллюстрированный энциклопедический словарь*. Ред. М. Аутопан, В.И. Бородулин и др. [http://www.rubricon.com/ies\\_1.asp](http://www.rubricon.com/ies_1.asp) [доступ: 11.10.2018].

ти *трапезная* – это ‘специальное здание с залом для совместных трапез, церковью и подсобными помещениями’<sup>15</sup>. В переводе применяется слово *refektarz*, которое происходит из латинского языка (*refectorium*) и обозначает столовую в католических монастырях<sup>16</sup>, в связи с чем его можно считать адаптированным к католическим реалиям аналогом лексемы *трапезная*.

Наряду с этим в качестве собственного наименования ресторана-трапезной выступает словосочетание *Русь Святая*, польским соответствием которого является *Święta Ruś*. *Святая Русь* относится к определению России в XIV–XVI веках, когда главную роль играла духовность русского народа, а также «превознесение в сознании русского человека идеала святости над другими жизненными ценностями»<sup>17</sup>. Ключевой была непосредственная связь народа с Богом, жизнь, подчинённая духовным истинам, а также «понимание собственных поражений как результата уклонения от религиозного долга, способность к покаянию»<sup>18</sup>.

Сочетание слов *Святая Русь* (как философии понимания России и её жителей), *трапезная* (которая входит в состав лексики, относящейся к реалиям монастырской жизни) и *ресторан* (как лексемы, которая относится к проведению свободного времени любого человека) является столкновением одухотворённых и повседневных элементов, связанных с питанием, что проецирует карнавальный (юмористический) характер.

В польском переводе этот фрагмент также вызывает похожий коммуникативный эффект, что создаётся благодаря использованию переводчиком лексем *restauracja* и *refektarz*. Несмотря на то, что читатель текста перевода может не знать подробностей, вытекающих из значения, которое несёт за собой словосочетание *Święta Ruś*, само имя прилагательное *święty* указывает на его возвышенный характер и ведёт к пониманию необычного употребления выражения *Święta Ruś* в качестве наименования специфического ресторана.

В приведённом выше отрывке следует обратить внимание ещё на один аспект, непосредственно соотносимый с карнавальным миром, в котором одежда играет огромное значение. Известно, что во время карнавала его участники надевают яркие и разноцветные костюмы. Неудивительно поэтому, что и у героя *Детей Луны* – дона Хулио – именно такая одежда. Борис Акунин описывает её как розовый смокинг с искрой, что отражает карнавальный характер. Само определение *с искрой* может обозначать что-то блестящее. Польский эквивалент *z brokatem* не является точным аналогом русского выражения *с искрой*, однако в польском переводе его

<sup>15</sup> Популярная художественная энциклопедия. Ред. В.М. Полевой. Москва 1986.

<sup>16</sup> Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург 1890–1907.

<sup>17</sup> В.С. Безрукова: *Основы духовной культуры*. Екатеринбург 2000.

<sup>18</sup> Ibidem.

смысл сохраняется, поскольку название *brokat* обозначает мелкие блестящие блёстки, покрывающие одежду таким образом, что она выглядит с блеском, ‘с искрой’.

В следующем примере обратим внимание на ещё одно непривычное сочетание слов, касающихся наименования публичного объекта:

*Я одно время, до войны еще, служила в балаганчике* одном, назывался «*В Последний Путь*» (с. 248).

*Swego czasu, jeszcze przed wojną, pracowałam w takiej jednej knajpie, nazywała się Ostatnia Podróż* (с. 219).

*Балаганчик* – это ласкательно-уменьшительная форма имени существительного *балаган*<sup>19</sup>. Происхождение лексемы связано с персидской лексемой *balahana*, которая обозначает ‘балкон’<sup>20</sup>. Как следует из *Большого словаря иностранных слов*, у этой лексемы три значения:

1. ‘Временная деревянная будка для ярмарочной торговли’.
2. ‘Народное театральное зрелище с примитивной сценической техникой’.
3. ‘Лёгкая деревянная постройка для ярмарочных зрелищ’<sup>21</sup>.

Отметим, что культура ярмарки и представляемые там зрелища полностью вписываются в культуру карнавала (см. 2 пункт из словаря иностранных слов). Комический эффект вызывается дополнительно именем собственным *В Последний Путь*, которое непосредственно ассоциируется с похоронами<sup>22</sup>. Кроме того, обращает на себя внимание необычная графическая и орфографическая форма словосочетания, в которой Борис Акунин каждый её элемент пишет с прописной буквы. Это в ещё большей степени указывает на нестандартное сочетание выражений *балаганчик* и *В Последний Путь*.

В случае передачи лексемы *балаганчик* на польский язык переводчик употребляет разговорное слово *knajpa*, которое имеет значение ‘*podrzędna restauracja*’<sup>23</sup>. Вместе с тем *Nowy słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski PWN* предлагает перевод лексемы *балаган* как: 1. ‘(деревянная постройка) – *buda, kram, szopa*’, 2. ‘(паясничанье, дурачество) – *blazeństwo, szopka*’<sup>24</sup>.

<sup>19</sup> *Толковый словарь Ефремовой*. Ред. Т.Ф. ЕФРЕМОВА. 2000. <https://www.efremova.info/word/balaganchik.html#.XGcRdehKjIU> [доступ: 11.10.2018].

<sup>20</sup> *Универсальная научно-популярная энциклопедия Кругосвет*. [https://www.krugosvet.ru/enc/kultura\\_i\\_obrazovanie/teatr\\_i\\_kino/BALAGAN.html](https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/BALAGAN.html) [доступ: 11.10.2018].

<sup>21</sup> *Большой словарь иностранных слов*. Москва 2007. [https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic\\_fwords/балаган](https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/балаган) [доступ: 11.10.2018].

<sup>22</sup> В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина: *Большой словарь русских поговорок*. Москва 2007.

<sup>23</sup> *Słownik języka polskiego*. <https://sjp.pwn.pl/sjp/knajpa;2471699> [доступ: 11.10.2018].

<sup>24</sup> *Nowy słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski PWN*. Red. J. WAWRZYŃCZYK. Warszawa 2012, с. 9.

К примеру, польское заглавие лирической драмы русского поэта Александра Блока *Балаганчик* звучит как *Buda jarmarczna*.

В свою очередь, хремотоним *Ostatnia Podróż* можем считать более нейтральным по сравнению с другими фразами подобного рода, выступающими в польском языке: *Ostatnia droga* или *Ostatnie pożegnanie*. Эти устойчивые выражения, которые пишутся на лентах венков, непосредственно ассоциируются с похоронами.

Одним из проявлений карнавализации, о котором упоминает М. Бахтин, являются метафорические выражения, связанные с физиологическими действиями. Отражение этого находим в нижеприведённом фрагменте:

– *Плюнь, Мишель! – тянул его второй. – Это какой-то шалман* (с. 231).

– *Pluń na to, Michel! – odciągnął go drugi. – To zwykła speluna* (с. 202).

Слово *плюнь*, являющееся формой повелительного склонения глагола *плюнуть*, связано с выплескиванием слюны изо рта. Само выражение *плюнь* употребляется в разговорной речи в случае пренебрежительного отношения к кому-то или чему-то. Данная лексема выступает также во фразеологических оборотах *плюнь в душу* или *плюнь в глаза*<sup>25</sup>.

Похожую функцию в польском языке выражает сочетание слов *pluń na to*. Этот фразеологизм обозначает ‘przestać dbać o kogo, o co, zlekceważyć kogo, co’<sup>26</sup>. Отметим, что польский вариант шире, поскольку само слово *pluń* не передаёт смысла текста оригинала, в котором речь идёт о пренебрежении или игнорировании кого-то или чего-то.

В этом фрагменте также появляется название заведения общественного питания. Это слово *шалман*, выводящееся из турецкого языка и обозначающее низкопробную пивную, трактир<sup>27</sup>. Оно входит в состав сниженной лексикой, обозначая место, где встречаются люди из низших слоёв общества<sup>28</sup>.

В качестве польских эквивалентов данного определения можно подобрать или употреблённое переводчиком выражение – *speluna*, или другое – *melina*, т.е. ‘obskurna knajpa, miejsce spotkań ludzi z marginesu społecznego’<sup>29</sup>.

Кроме того, в романе находим названия коктейлей, имеющие карнавальный характер. Приведём пример:

<sup>25</sup> *Фразеологический словарь русского языка. Свыше 10 тысяч фразеологизмов, 3-е издание.* Ред. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. Москва 2007, с. 199.

<sup>26</sup> *Słownik języka polskiego.* Red. W. DOROSZEWSKI. <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/splunac> [доступ: 11.10.2018].

<sup>27</sup> *Толковый словарь Ефремовой.* Ред. Т.Ф. ЕФРЕМОВА. 2000. <https://www.efremova.info/word/shalman.html#XGcaFuhKjIU> [доступ: 11.10.2018].

<sup>28</sup> *Ibidem.*

<sup>29</sup> *Słownik języka polskiego.* <https://sjp.pwn.pl/slowniki/speluna.html> [доступ: 11.10.2018].



*Здесь никто ничего не ел, только пили.*

*– Mogę zaproponować «Цианид», «Мышьяк», «Цикуту». Рекомендую новинку – «Крысиный яд». Клиенты хвалят (с. 236).*

*Nikt nic nie jadł. Na stolikach stały tylko napoje.*

*– Mogę zaproponować „Cyjanek”, „Arszenik”, „Cykutę”. Polecam nowy koktajl „Szczurzy jad”. Klienci chwalią (с. 207).*

Эти лексемы можно рассматривать в качестве проявлений карнавализации, так как в повседневной жизни они определяют наименования отрав. Однако, отметим, что в процессе перевода данные термины не вызывают затруднений, поскольку в польском языке каждая лексема имеет свой общепринятый аналог, т.е.:

- *цианид* – *cyjanek*;
- *мышьяк* – *arszenik*;
- *цикута* – *cykuta*;
- *крысиный яд* – *szczurzy jad*.

Каждый из них у вторичного адресата вызывает тот же коммуникативный эффект, который появляется и у читателя текста оригинала.

Все приведённые выше фрагменты представляют собой материал для анализа перевода на польский язык языковых проявлений элементов карнавализации из текста Бориса Акунина *Дети Луны*. В ходе исследования было замечено, что перевод мотивов карнавализации требует разных переводческих решений, так как не всегда замена вариантов их аналогами в целевом языке позволяет сохранить первоначальный смысл. С той целью, чтобы вызвать у читателей текста перевода такой же коммуникативный эффект, к примеру, основанный на языковой игре, часто применяется функциональный эквивалент, как в случае передачи буквы *Г* польской буквой *L*.

Кроме того, одним из типичных проявлений карнавализации языка является сочетание слов, входящих в состав разных регистров. Этот приём, когда более возвышенные лексемы сочетаются с названиями, связанными с обыденными аспектами, востребован и у Акунина, напр., *ресторан-трапезная «Русь святая»*, *балаганчик «В Последний Путь»*. В случае польского перевода в большой степени они сохранялись, не нарушая восприятия акунинской игры, хотя иногда несколько уменьшая её нестандартные элементы.

Łukasz Gęborek

### Przejawy karnawalizacji w *Dzieciach Księżycy* Borisa Akunina i ich polskim przekładzie

#### Streszczenie

Artykuł stanowi próbę przedstawienia przejawów karnawalizacji w powieści *Dzieci Księżycy* będącej jedną z części cyklu „Bruderszaft ze śmiercią”, autorstwa rosyjskiego pisarza Borisa Akunina w zestawieniu z ich polskim przekładem Piotra Fasta. Podczas analizy zostało zauważone, że przekład elementów karnawalizacji wymaga różnych rozwiązań, ponieważ nie zawsze zamiana rosyjskich słów ich polskimi ekwiwalentami pozwala zachować sens, który został zawarty w tekście oryginału. Tłumacz wykorzystywał m.in. polskie ekwiwalenty funkcjonalne (np. w przypadku zamiany rosyjskiej litery Г łacińską literą L). Oprócz aspektów tłumaczeniowych, zostało zauważone, że do przejawów karnawalizacji języka odnosi się również zestawienie słów, należących do różnych rejestrów (np. leksemy, określające wzniosłe zjawiska stawały się nazwami budynków codziennego użytku, np. *restauracja-refektarz „Święta Rus’*”). W przypadku polskiego tłumaczenia w dużym stopniu przejawy karnawalizacji zostały zachowane, dzięki czemu nie naruszały one u polskiego czytelnika percepcji gry, którą zawarł w swoim tekście Boris Akunin.

**Słowa kluczowe:** Boris Akunin, *Dzieci Księżycy*, przekład, karnawalizacja, Michaił Bachtin

Łukasz Gęborek

### Carnival manifestations in *Children of the Moon* by Boris Akunin and their Polish translation

#### Summary

The article is an attempt to present the manifestations of carnivalisation in the novel *Children of the Moon* which is one of the parts of the series “Brüderschaft with Death” written by Boris Akunin, Russian artist, compared to their Polish translation by Piotr Fast. During an analysis, it has been noticed that the translation of elements of carnivalisation requires different solutions, because sometimes it is impossible to replace Russian words with their Polish equivalents and thus absolutely preserve the meaning that was conveyed by text of the original. The translator used i.a. functional equivalents (e.g. in the case of replacing the Russian letter Г with the Latin letter L). Besides the translation aspects, it has been noticed that a comparison of words from different registers (e.g. lexemes defining exalted phenomena became names of buildings of everyday use, e.g. a *restaurant-refectory “Holly Rus’*”) is also the manifestation of carnivalisation. In the case of the Polish translation, the signs of carnivalisation were largely preserved, thanks to which they have not violated the perception of the game for the Polish reader.

**Key words:** Boris Akunin, *Children of the Moon*, carnival, translation, Mikhail Bakhtin